

И знаешь ли ты, отчего все это? Но нѣтъ... Лучше я ничего не скажу больше...

— Нѣтъ, говори, говори... — шопотомъ произнесла Лена, не сводя съ него своего блестящаго взгляда. Лицо ея пылало.

— Ты хочешь этого? — сказалъ Діодоръ взволнованнымъ голосомъ, странно глядя на Леночку. — Ты хочешь? — повторилъ онъ, понижая голосъ. — Ну, хорошо... Но прежде я расскажу тебѣ одно повѣрье, которое я слышалъ отъ бурлака на Волгѣ. Лежали мы разъ на берегу съ нимъ; было уже около полуночи. Ночь была свѣтлая, лѣтняя, хоть и безлунная, и на той сторонѣ, въ степи, чуть-чуть курганъ виднѣлся. И вотъ не знаю, — почувдилось ли намъ, или вправду, только увидѣли мы, что на этомъ курганѣ будто огонекъ бродить. Проползетъ одинъ тихо-тихо — и погаснетъ вдругъ. Потомъ опять и опять... Долго мы глядѣли на это диво; вотъ старикъ и говоритъ: „а вѣдь это здѣсь безпремѣнно кладъ зарытъ“. И разговорились мы про клады. „Много, — говоритъ бурлакъ, — здѣсь кладовъ по степи зарыто. Но только трудно ихъ доставать, потому что всѣ они заклятые. И страшныя заклятыя на нихъ лежатъ... Иной кладъ, напримѣръ, на кровь положенъ: кто кровь человѣческую прольетъ, тому и кладъ въ руки дастся. Или, напримѣръ, на сто головъ: кто сто головъ срубитъ, тотъ и иди кладъ добывать. А то и такое заклятье бываетъ, и это самое страшное: взять, напримѣръ, того человѣка, который тебѣ больше всего на свѣтѣ любъ... ну, хоша дѣвушку, али друга-пріятеля, али отца-мать родныхъ, — привести на тотъ курганъ и зарѣзать. Вотъ тогда и кладъ тебѣ откроется“...

Діодоръ при этихъ словахъ понизилъ голосъ. Онъ былъ взволнованъ, Леночка вся дрожала. И оба они теперь прямо глядѣли другъ другу въ лицо.

— Вотъ, милая Леночка... — совсѣмъ уже шопотомъ продолжалъ Діодоръ. — И мой кладъ заговоренъ... Чтобы добыть его, — мнѣ нужно перешагнуть черезъ все, чтó мнѣ дорого и мило. Нужно забыть честь, совѣсть, божескіе и человѣческіе законы... Понимаешь ли, какъ это страшно? А безъ этого клада я — пропацій человѣкъ... Вотъ видишь, и руки у меня ни на какое дѣло не поднимаются, и весь я раскисъ... Мнѣ бѣжать отсюда надо, давно бѣжать, а я сижу. Силъ у меня на это не хватаетъ... тряпка я, больше ничего... Но и клада мнѣ не достать ни за что... Погибни я одинъ, — пусть бы; этого я не боюсь; но дѣло въ томъ, что я могу погубить другое существо, такое существо, которое мнѣ дороже и милѣе всего на свѣтѣ. Леночка, милая моя, чтó мнѣ дѣлать, я не знаю... Скажи мнѣ, чтó дѣлать?..